

Человек бежит, спасая свою жизнь. Это происходит ночью, прямо вниз, когда никто уже не высунет нос на улицу, между тремя и пятью утра; улицы и бульвары пустынные, ни один автобус не проедет, люди спят, по крайней мере большинство людей. Я-то не сплю, я сижу на кровати и слушаю. Меня разбудил шум, я прислушался, ничего особенного не услышал, а потом вдалеке взвизгнули шины и захрипел мотор. Во всем доме ничто не шелохнется, ни от кого ни слова, ни шагов. Ни детского плача. Я ворочаюсь в постели, мне хочется заснуть опять.

Квартал у нас в общем-то спокойный; кроме нескольких значных торговых точек, куда лучше не соваться, ничего опасного нет. И вот сегодня ночью кто-то спринтует, удирает как сумасшедший, стараясь дышать глубоко, чтобы не слишком быстро выдохнуться, чтобы не подвели колотье в боку или резкая судорога. Он несется как ветер, почти неслышно касаясь асфальта. Нельзя остановиться ни на секунду, нет права на ошибку: он должен запутать преследователей. Это вопрос жизни и смерти.

Я плотно заворачиваюсь в одеяло. Я живу на третьем этаже, и мне кажется, что я слышал стук каблучков. А точно ли я слышал погоню? Сейчас начало лета, я опустил шторы, но распахнул окно. Не знаю, как бегут при погоне, и надеюсь, со мной такого не случится никогда. Если повезет, мне никогда не придется бежать, спасая свою шкуру.

По правде, мы так мало о чем знаем. Иногда отец дает затрещину, и кажется, что жизнь кончена. А ведь повсюду люди всаживают друг в друга ножи, людей

продырявливают пули, рубят мачете, разрывают бомбы. Я и сам нахлебался из-за уроков, которые пытались отнимать у меня деньги во дворе младшей школы. На моего старшего брата Норбера напали в школе без всякой причины, просто там были типы, которым нравилось мучить других. Всегда и везде найдется кто-нибудь, кто развлекается, атакуя более слабых. Норбер не захотел ничего рассказывать, и я должен был сам домыслить эту сцену: здоровяки собираются в кучу, зажимают жертву в коридоре и играют с ней, как кошка играет с мышкой, прежде чем сожрать.

Я знаю, что Норберу бывало несладко: один раз я подслушал разговор наших родителей, и папа сказал, что Норбер — трус. Я послушал минутку, а потом на цыпочках отошел и закрылся у себя в комнате. Мне было стыдно. Стыдно, что мой брат — трус, и стыдно, что папа так о нем говорит. Родители должны помогать детям, разве нет? Если я или Норбер попадем в передрагу, папа точно к директору не пойдет. Наши проблемы, нам их и улаживать.

Я совсем проснулся, лежу и прислушиваюсь. На парковке снова тихо. Я прокручиваю в голове фильм, который придумал: кто-то бежит, спасая свою жизнь. Как так получается, что у людей возникает желание кого-то убить? Как можно захотеть лишить жизни человека? Даже представить трудно — гнаться за кем-то, чтобы прикончить. Сколько нужно ненависти, глупости или безумства, чтобы хотеть стать причиной человеческой смерти.

На парковке снова шум: очень медленно едет машина. Я слушаю урчание мотора. Я весь в напряжении; машина проезжает. Сам не понимаю, почему так встревожен, не знаю, что со мной такое. Надо бы заснуть.

Никогда не любил бегать. Лучше спокойно лежать в кровати. Я бегаю только на физкультуре, когда преподаватель не оставляет мне выбора. И если боюсь не успеть на автобус. Я очень редко бегаю. Знаю, что в начале года — я пойду в шестой класс — мне придется бежать: по программе у нас длинный забег. Не люблю спорт, не люблю футбол, не люблю напрягаться. Быстро выдыхаюсь.

Человек внизу бежит, потому что умрет, если остановится.

Еще глубокая ночь, спать я больше не хочу, отправляю несколько эсмэсок, гуляю по соцсетям, но никто не просыпается. Сейчас июль, лето только-только началось, и до конца утра на друзей рассчитывать нечего. За стенкой пошевелился брат. Он тоже проснулся, наверное, от того же шума. С улицы слышен визг шин. Звуки наводят на мысль об охоте, о погоне. Нет, у меня слишком разыгралось воображение: либо какие-то полуночники развлекаются, либо какие-то кретины заставляют реветь мотор. Не может там быть ничего страшного.

Но человек все равно бежит. Если он споткнется и упадет, подвернет ногу или сбавит скорость, преследователи схватят его. И он умрет. И я никогда не встречу с ним, чтобы рассказать за него эту историю. Значит, нельзя, чтобы его догнали, он должен быть быстр, энергичен, хитер и умело путать следы. Его мускулы должны работать как идеальный механизм. Нельзя, чтобы его оставили силы. Нельзя, чтобы его ослепила паника. Как бегут, когда боятся? Опасно потерять осторожность, ринуться вперед, не изучив место,

заплутать в тупиках. Возможно, это самое трудное — одновременно бежать и думать, не поддаваться панике, которая заставляет делать глупости.

Норбер в соседней комнате встал и ходит. Настоящий слон, ничего не умеет делать незаметно. Я прислушиваюсь: снаружи тишина; хочется встать и приоткрыть шторы, я секунду колеблюсь, но не шевелюсь, мне уютно в постели, в коконе из одеяла. «Как мумия, — говорит мама. — Летом-то зачем тебе это одеяло?»

Внезапно мое сердце пускается вскачь. Никогда такого не ощущал. Обычно я не принимаю всерьез фантазии и догадки. В голове теснятся мысли: я думаю о фильмах, которые видел, — это мой единственный источник знаний о погонях. Моя жизнь абсолютно спокойная. Норбер как-то пошел на риск, сделал страшную вещь, мог погибнуть, но это другая история, не особо люблю вспоминать ее. Дома о ней никто не говорит. Табу, секрет. Как рубец на запястье, который прячешь, вытягивая рукав свитера. Надо сказать, у нас дома вообще мало говорят, поэтому, когда Норбер сыдиотничал, папа его наказал, и вопрос был закрыт. Больше ни слова на эту тему.

Вдруг — удар, там, внизу. Как будто кто-то налетел на урну. Я снова прислушиваюсь. От страха делаешь глупости, потому что плохо соображаешь. Когда смотришь экшен, не всегда понятно, например, почему второстепенный персонаж бежит ровно в сторону убийцы. Сценарий хромает, говоришь ты себе, зрителя держат за дурака. Но поразмыслив спокойно, я склоняюсь к тому, что это жутко реалистично: герой испытывает такой страх, что бежит в неверном направлении просто потому, что его мозг полностью парализован.

Я-то об этом ничего не знаю.

Трудно встать на место другого и рассказывать то, что не пережил сам.

Здесь, в самом центре квартала, бежит человек, он несется вперед, опустив голову, ныряет за изгородь и приседает на корточки, чтобы перевести дух. Стук сердца так громко отдается в ушах, что, кажется человеку, его слышно за десятки метров вокруг. Он сплевывает — во рту металлический привкус. Ноги его не дрожат, воля не пошатнулась. Его преследуют несколько часов, но теперь уж он точно не сдастся. Не заплачет, не позовет на помощь. К тому же он ни слова не знает по-французски. Он не позвал бы на помощь, даже если бы хотел.

По сквозной улице через квартал медленно скользит машина. Окна открыты, фары горят. Внутри пять силуэтов. Теней. Угроз.

Машина едет вдоль изгороди, за которой съежился человек. Если бы он мог вырыть себе нору и спрятаться, он бы так и сделал.

У человека нет ни оружия, ни инструментов. На нем коричневые брюки в пятнах, старая клетчатая рубашка, стоптанные кроссовки. Его одежда отстала от моды лет на пятнадцать и напоминает обноски, то, что люди отдают фондам или бросают в контейнеры для переработки, которые стоят на всех площадях, например немного дальше на площади Реле, на углу торгового центра. Наверное, так оно и есть: одежда у него или из Красного Креста, или украдена из распотрошенного контейнера.

Медленно-медленно, тихо-тихо машина проехала мимо места, где человек тщится унять стук своего сердца. Преследователи потеряли след. Наконец-то.

В машине, которая огибает здание, один из пассажиров, тот, что сидит впереди, нервно играет ножом-бабочкой — таким с двойной рукояткой, куда лезвие убирается, как в футляр. Нож скачет в руке, вращается между пальцев — лезвие то показывается, то исчезает. Этот жест человек наверняка видел по телевизору, в триллерах, и научился копировать для важности — цену себе набивает. Он считает, так делают мафиози, чтобы выглядеть свирепее. Устав от этой вольтижировки со щелканьем, водитель коротко рявкает, и человек моментально прячет оружие. Возможно, они говорят по-русски.

Другая машина объезжает квартал, она движется быстро, водитель развлекается — это он храпит мотором и дымит шинами. Он хочет, чтобы беглец услышал его, хочет вызвать страх. В машине трое, их лица съела темнота. Они знают, что жертва где-то здесь, среди этих домов, вжалась в стену или затаилась на детской площадке.

Двери домов заперты, у беглеца ни ключа, ни кода. Замки защищают нас ночью, но они же мешают прийти на помощь заблудившимся путникам или загнанным жертвам.

Он восстанавливает дыхание. Не исключено, что его лицо или мускулы дергаются от нервного тика. Стоит глубокая ночь, видно плохо, изгородь не освещена, свет фонарей на парковке сюда не достает.

Норбер теперь слушает музыку; он надел наушники, но музыка слишком громкая, и ритм проникает через стенку — как будто тонкий треск, как будто

комар, кружащий в ночи над головой. Это шипение раздражает меня. У нас с братом совсем разные вкусы, я никогда не понимал, как можно включать звук на такую громкость. Норбер слушает танцевальную музыку, модные штуки, липнущую к ушам музыкосироп, музыку ночных клубов, куда его еще не пускают. Он слушает не слушая, никогда не знает названия групп, он как будто защищает голову децибелами и ритмами, чтобы не слышать тишины. Или спрятаться за стеной звука?

Беглец выпрямляется: кроме двух машин, по пятам за ним следуют двое пеших. Он уже видел этих людей; приближаясь, они вынули ножи; ему удалось оторваться от них в лабиринте коттеджей рядом с кварталом.

Вдалеке проезжает еще одна машина, возможно с ними никак не связанная, но беглец снова ныряет вниз, он не собирается рисковать, каждая машина потенциально опасна. Если он хочет выжить, расслабляться нельзя, нельзя никому доверять. Падает тяжелая тишина, только с кольцевой в нескольких сотнях метров доносится неровный гул. Фасады зданий складываются в блоки темноты, ни в одном окне не горит свет. Скоро зазвонят будильники, и те, кому рано на работу, начнут делать обычные движения, как всегда, утро за утром, но пока еще все тихо, очень тихо. Он подкрадывается к самому высокому зданию: восемнадцать этажей сумрака поднимаются в глубину ночи, — нащупывает ручку двери. Может, беглец еще не пробовал укрыться в доме и не знает еще про засовы и домофоны, а может, он уже перепробовал десять, двадцать,

тридцать аккуратно закрытых дверей, но не теряет надежды найти открытую — как бы то ни было, он толкает дверь, и та открывается. Он не знает, что домофон уже две недели как сломан, а жители высотки в конце концов решили не запирасть входную дверь на засов, утомившись спускаться каждый раз, когда приходят друзья или родственники. С тех пор как было объявлено о реновации квартала, больше ничего не ремонтируют. Муниципалы ни сантима не потратят на починку домофона, который через несколько месяцев снимут.

Беглец входит как можно тише, свет не включает. В середине холла он явно секунду колеблется: вверх или вниз? Он быстро соображает: наверху заперлись люди, вероятно враждебные к незнакомцам, которые среди ночи болтаются по лестнице. Он идет вниз, там кладовки: некрашенные деревянные двери вдут в трехметровые отсеки, заваленные коробками, старой мебелью, иногда велосипедами, и на каждой двери большой замок, кроме одной — нашей: Норбер забыл закрыть ее вчера вечером. У стены брошен его велосипед. Кладовка почти пустая: родители хранят здесь наполовину сломанные вещи, которые еще могут пригодиться, старый пылесос, почти ничего не всасывающий, низкий стеклянный столик, на который мой неуклюжий брат случайно уронил поднос три года назад, коробки от телевизора, от роутера, уже никому не годная одежда, мои детские игрушки. Человек находит в одной из коробок пальто, стелет его на пол и ложится. Он дышит спокойно, заснуть получается не сразу, он вспоминает погоню, те места, откуда пришел, думает, что делать завтра. Он по-прежнему начеку: в кладовой безопасно, но это

клетка. Единственный выход — по лестнице. Лицо человека скрыто подвальным мраком. Он смотрит в темноту, в пустоту, кажется, он так и не сможет забыться сном, и однако он засыпает, потому что через несколько часов Норбер найдет его спящим и разбудит.

Между домами кружат несколько машин, рыщут люди, обмениваются эсэмэсками, шепчутся на корявом французском. Они потеряли след жертвы, но все равно знают, что она недалеко. Беглец вошел в квартал, но не выходил оттуда.

В соседней комнате больше ни шороха, Норбер не шевелится, он заснул опять, прямо в наушниках. Ночь такая тихая, что я уже не уверен, точно ли слышал все эти звуки; я выключаю телефон, сообщения слать бесполезно, все спят.

В такие ночи остается только ждать наступления дня, глядя, как танцует свет фар на потолке, и слушая уличный шум.

Еще может быть, что один из охотников в приступе ярости врезал ногой по урне: я слышу, как она с грохотом катится, и тоже засыпаю.

9

На беглеца наткнется мой брат, спустившись в подвал. Точнее, беглец навалится на него. Не знаю, почему Норбер поднялся рано и что ему понадобилось внизу. С самого начала каникул он приходит домой только поесть. Я пытался понять, где он каждый день

[Почитать описание, рецензии
и купить на сайте](#)

Лучшие цитаты из книг, бесплатные главы и новинки:

